

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОСТИ В ТЕОРИЯХ Г. ТАРДА, Э. ДЮРКГЕЙМА И Ф. ДЕ СОССЮРА

О. П. Просяник

Харьковский национальный экономический университет

Реферат. Информационные факты рассматриваются Э. Дюркгеймом как априорно существующие сущности независимо от деятельности человека. Даже если они существуют в сознании человека, то все равно являются самостоятельными объективными сущностями, общество не заключается в системе отношений между индивидами. По Г. Тарду социальность не является метафизическим объективным законом и фатумом, детерминирующим жизнь индивидов, но результат интеракции между лицами. Социальное в понимании Ф. де Соссюра это функция соотношения множества индивидуальных психологических сущностей, возникающая исключительно в сознании у конкретной личности. Результаты исследования показывают, что философские истоки концепции Соссюра восходят к теории сущности социального Г. Тарда, а не Э. Дюркгейма, как принято считать в истории языкознания.

Ключевые слова: сущность, социальность, факт, языкознание.

Проблема понимания онтологии социального бытия предполагает рассмотрение понятий «общество», «общественное», «общественная жизнь» и «общественный факт». Анализ основных положений теорий сущности и эволюции общества Г. Тарда и Э. Дюркгейма дает возможность доказать то, что по вопросам онтологии общественного Фердинанд де Соссюр был, скорее, последователем Тарда, чем Дюркгейма, как признавалось и признается в традиционной истории языкознания.

Традиционно учение Ф. де Соссюра связывают с теорией Э. Дюркгейма. Вопрос о влиянии учения Э. Дюркгейма на социолингвистические взгляды Соссюра считается давно решенным и не вызывающим сомнений. Так, о влиянии дюркгеймовской теории на теорию Соссюра написал В. Дорошевский в 1933 г., о чем читаем в учебнике М. П. Кочерган «Загальне мовознавство»: «Філософською основою лінгвістичної теорії Соссюра є соціологічне вчення Огюста Канта й Еміля Дюркгейма... Близькими для Соссюра були деякі ідеї праці Дюркгейма «Метод соціології», зокрема визначення суспільства як «своєрідної психічної сутності, асоціації багатьох свідомостей» і виведений ним «закон примусу», згідно з яким кожен соціальний факт є примусовим (людині нав'язують певну поведінку)» [1, с. 84-85]. Р. Барт: «На родство соссюрковского языка с Дюркгеймовой концепцией коллективного сознания, не зависящего от своих индивидуальных манифестаций, было указано уже давно. Более того, говорили даже о прямом влиянии Дюркгейма на Соссюра; возможно, Соссюр самым внимательным образом следил за спором между Дюркгеймом и Тардом. Его концепция языка идет от Дюркгейма, а концепция речи явилась уступкой идеям Тарда об индивидуальном» [2, с. 120].

Под редакцией А. А. Холодовича и с его комментариями вышло русское издание всех основных работ Ф. де Соссюра, включающее в том числе и новый перевод «Курса общей лингвистики». В послесловии к «Курсу общей лингвистики» А. А. Холодович обращает внимание на триаду Дюркгейм – Тард – Соссюр: «Годель показал, что понятие значимости, которой такое большое значение в языкознании придавал Соссюр, а также сопоставление языка и политэкономии (значимость в языке, ценность в политэкономии) следует возводить к Тарду, к его „Psychologie économique" (1902). Пристрастие Соссюра к дихотомиям связывали (Алонзо, Якобсон) с влиянием, которое оказал на него Гегель — через посредство

Адольфа Пикте или через посредство В. Анри (Henry). Утверждение о дихотомии язык — речь возводили к Тарду (1843—1904), к его „Lesloisdel'imitation" (1895). В 1957 г. Дорошевский на VIII конгрессе лингвистов сообщил, ссылаясь на слушателя Соссюра Л. Кайя, что Соссюр с интересом следил за полемикой Тард — Дюркгейм, в которой Тард подчеркивал роль индивида в социальной психологии» [3, с. 670].

Рассмотрение интересующих нас положений теорий Тарда и Дюркгейма, их последующее сравнение с теорией Соссюра позволит нам понять, каковы методологические корни и теоретические основы соссюрской позиции в вопросе онтологии и эволюции общества.

Вопрос, что есть нечто общественное и что есть общество — это один и тот же вопрос. Ответы могут быть разные. Позитивисты (феноменалисты) считают, что общество — это множество человеческих тел, взаимно пересекающихся и взаимодействующих в более менее одном месте и более менее одном времени. Другая точка зрения — метафизическая — состоит в том, что общество — это некое идеально-духовное целое, реализующееся в конкретных множествах человеческих тел, но не содержащееся в этом самом множестве, но как бы эманулирующее в него или, наоборот, трансцендирующее из него (это идеалистическая метафизика, самым ярким проявлением которой были платонизм и гегельянство). Третья точка зрения — общество — это некая обобщенная сущность, содержащаяся в поступках, поведении и сознаниях множества людей, объединяющая этих людей, но независимая от них. Это она управляет этими людьми, фактически превращая это множество в единый и целостный социальный организм (это позиция реалистической метафизики, представленная, например, в аристотелианстве, марксизме и разных оттенках современного философского реализма). И это также точка зрения Э. Дюркгейма, а также отчасти А. Сеше и Ш. Балли, выразившаяся в «Курсе общей лингвистики». Обратим внимание на то, как Дюркгейм определяет социальные факты: *«На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты — это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад. Что такое в действительности вещь? Вещь противостоит идее, как то, что познается извне, тому, что познается изнутри. Вещь — это всякий объект познания, который сам по себе непроницаем для ума; это все, о чем мы не можем сформулировать себе адекватного понятия простым приемом мысленного анализа; это все, что ум может понять только при условии, выхода за пределы самого себя, путем наблюдений и экспериментов, последовательно переходя от наиболее внешних и непосредственно доступных признаков к менее видимым и более глубоким. Рассматривать факты определенного порядка как вещи — не значит зачислять их в ту или иную категорию реальности; это значит занимать по отношению к ним определенную мыслительную позицию (Выдел. нами здесь и далее — О.П.). Это значит приступить к их изучению, исходя из принципа, что мы ничего не знаем о том, что они собой представляют, а их характерные свойства, как и неизвестные причины, от которых они зависят, не могут быть обнаружены даже самой внимательной интроспекцией»* [4, с. 2]. Следовательно, Дюркгейм не сводит идеи к вещам, но считает их «вещами того же ранга, хотя и на свой лад». Что может делать идеи и вещи «вещами того же ранга»? Если проследим эпистемологическую цепочку, которую выстраивает Дюркгейм от созерцания («наблюдений и экспериментов») признаков вещей, которые он считает «наиболее внешними и непосредственно доступными», к умственному выявлению признаков «менее видимых и более глубоких», но также имманентно присущих самим вещам, то в результате придем к факту. Исследуя таким образом общественные признаки, можно прийти к социальным фактам, которые, хотя и не то же, что сами вещи, но содержатся в этих вещах как их признаки и свойства, а значит — являются «вещами того же ранга, хотя и на свой лад». Таким образом,

информационные факты (выводимые умом в ходе анализа наблюдений и экспериментов) рассматриваются здесь как сущности, априорно существующие независимо от деятельности человека и до нее.

Обратим внимание на другой фрагмент: *«Но поскольку общество состоит только из индивидов, то с позиции здравого смысла кажется, что социальная жизнь не может иметь иного субстрата, кроме индивидуального сознания; иначе она кажется висящей в воздухе и плывущей в пустоте»* [4, с. 3]. В примечании к этому фрагменту Дюркгейм пишет, что *«Это утверждение, впрочем, не совсем точно. Помимо индивидов существуют вещи, также образующие элементы общества. Верно лишь то, что индивиды являются его единственными активными элементами»* [4, с. 3]. Следовательно, общество – это не только люди, но и предметы (вещи), предметные действия, которые также являются носителями объективных и имманентных им «социальных фактов». Но здесь появляется еще один момент, крайне важный в концепции Дюркгейма. «Социальные факты» присущи также и человеку, причем не только как телесной вещи, но и как психическому феномену, однако он категорически отрицает признание психики конкретного индивида субстратом «общественности»: *«Социальные факты не только качественно отличаются от фактов психических; у них другой субстрат, они развиваются в другой среде и зависят от других условий. Это не значит, что они также не являются некоторым образом психическими фактами, поскольку все они состоят в каких-то способах мышления и действия. Но состояния коллективного сознания по сути своей отличаются от состояний сознания индивидуального; это представления другого рода. Мышление групп иное, нежели отдельных людей; у него свои собственные законы»* [4, с. 3]. И далее: *«Но группа устроена иначе, чем индивид, и влияющие на нее объекты — иные по своей сути. Представления, которые не выражают ни тех же субъектов, ни те же объекты, не могут зависеть от тех же причин. Чтобы понять, каким образом общество представляет себе самого себя и окружающий его мир, необходимо рассматривать сущность не отдельных индивидов, а общества»* [4, с. 3]. Таким образом, из этого следует, что даже если «социальные факты» и «общество» как их совокупность существуют также в сознании человека, то они все равно являются самостоятельными объективными сущностями, «представлениями другого рода» или, как уже говорилось выше «на свой лад». Заметим, что Дюркгейм не объясняет, в чем состоит этот «свой лад» и «другой род», однако очень ясно оперирует термином *субстрат*, т.е. первооснова, онтологический носитель сущности. Общество, таким образом, обладает собственной сущностью, собственным субстратом, и они не заключаются ни в психологических функциях индивидуального сознания, ни в системе информационно-психических отношений между индивидами. Несложно заметить, что перед нами типичная феноменология, хотя и основанная на реализме, а не на идеализме, как у Гуссерля.

А если общество по своей сущности не является функцией человеческого информационного взаимодействия (куда входят как понятийные, так и сенсорные, как волевые, так и эмоциональные отношения между людьми), то оно должно обладать некой особой онтологической сущностью. Если эта сущность не психическая и не физическая (а выше было ясно сказано, что т. н. «социальные факты» – *«это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад»*), то она необходимо должна подводиться под категорию метафизики. Доказательство этому находим в следующем фрагменте, который интересен еще и потому, что мы находим в нем нить, связывающую «социальный факт» Дюркгейма и язык как социальный феномен у Сеше: *«Коллективное мышление целиком, как его форма, так и содержание, должно изучаться само по себе, для самого себя, с ощущением того, что в нем есть*

специфического, и нужно оставить на будущее заботу о том, чтобы обнаружить, в какой мере оно подобно мышлению отдельных людей» [4, с. 3].

Научно установленным фактом является то, что известную всем фразу, которой заканчивается «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, ввел в текст книги Альбер Сеше. Теперь становится ясным, откуда он ее позаимствовал.

Дальнейшее углубление в текст Дюркгейма лишь подтверждает метафизический характер социальности в его концепции: *«В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе включает,— это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием. Индивид находит их совершенно готовыми и не может сделать так, чтобы их не было или чтобы они были иными, чем они являются»* [4, с. 5]. И далее: *«Впрочем, возражения часто основывались на том, что отказывались принимать или же принимали с оговорками наш основной принцип: объективную реальность социальных фактов»* [4, с. 6]. Это положение сходно с соссюрским положением о социальном и априорном относительно индивида характере языка как системы. Однако одно – утверждать, что с каузально генетической точки зрения нечто является общественной функцией индивидуальной психики, а другое приписывать на этом основании данной функции сверхиндивидуальное бытие по сущностному признаку. Никогда и нигде Соссюр не приписывал языку сверхличностное бытие или сверхличностную сущность. Социальность языка, по Соссюру, – это то же, что традиционность, функция коллективной интеракции. Соссюр настаивал, что язык занимает весьма специфическое место среди других социальных функций, т.к. это единственная функция, обладающая врожденным инструментарием в организме. Это двойственная функция – психо-психофизиологическая (по сущности) и психо-социальная (по каузальному и телеологическому аспекту). *«Il y a un premier domaine, intérieur, psychique, où existe le signe autant que la signification, l'un indissolublement lié à l'autre ; il y en a un second, extérieur, où n'existe plus que le „signe”, mais à cet instant le signe réduit à une succession d'ondes sonores ne mérite pour nous que le nom de figure vocale»* [5, с. 21]; *«Il y a dans la langue un côté physique, et un côté psychique. Cette vérité de sens commun a un sens qui doit être tout à fait précis pour qui veut étudier la langue: il s'agit de savoir quelles sont les choses à ranger dans le domaine physique et quelles sont les choses à ranger dans le domaine psychique»* [5, с. 64]; *«La réalité de l'existence des fils qui relient entre eux les éléments d'une langue, bien que fait psychologique immense, n'a pour ainsi dire pas besoin d'être démontrée. C'est cela même qui fait la langue»* [5, с. 103]; *«Les parasèmes. Pour un mot quelconque faisant partie de la langue, un second mot, même n'ayant avec le premier aucune «parenté», est un parasème. La seule et simple qualité du parasème est de faire partie du même système psychologique de signes, ...»* [5, с. 106–107].

Особенность соссюрского понимания языка состоит в том, что его двойственность, двоякость, дуализм имеет абсолютный характер. Это не сумма, а две стороны одного и того же, или точнее – это целостное отношение, с одной стороны, психофизиологического (фонетической фигуры) с психологическим (понятием), а с другой – индивидуального (единичного и отличного от других) с социальным (общим и сходным с другими). Ср. у Тарда: *«Разъясним новую аналогию, до сих пор только подразумевавшуюся. Без сознания нет памяти, а без памяти нет сознания. Эти два термина солидарны друг с другом. То, что сознается наиболее ясно, что наиболее поражает или волнует, то при всех других одинаковых условиях, конечно, и забывается менее всего; сознание не пробуждается без ясности воспоминания»* [7, с. 150]. Это не что иное, как утверждение двойственности информационных объектов, т. е.

инварианта (память) и процесса (сознание). Это аналогия соссюровского дуализма языка и речи.

Само социальное в понимании Соссюра (как это представляется в новых материалах) это функция соотношения множества индивидуальных психологических сущностей, возникающая исключительно в сознании у конкретной личности, а не над ним, вне его или между ними. У Дюркгейма явно видно, что индивидуально-психологическое и социальное – это две принципиально различные, антагонистические и взаимоисключающие сущности.

Стоит, однако, еще раз обратить внимание на эпистемологическую позицию Дюркгейма. Изложенная выше схема вполне напоминает идею феноменологической редукции, в ходе которой отбрасываются, как несущественные, равно психологические, как и физические свойства наблюдаемых общественных явлений, с тем, чтобы эйдетически «схватить» ту специфическую сущность «другого рода», каковой, согласно Дюркгейму, является «социальный факт».

Здесь уже мы находим элементы эпистемологического объективизма и гностицизма. Соссюр считал, что язык как систему следует познавать системно-дедуктивным путем, но через анализ фактов речи. Сам язык как психосоциальное явление нам не дан. Дана нам только речь, но только потому, что мы обладаем языком, и только тем, кто им обладает. Поскольку дана она нам только в виде звуковых фигур и не непосредственно, а только сквозь призму нашей языковой способности. В этом смысле Соссюр следовал принципам И. Канта – действительность нам дана в апперцепции, т.е. в ощущениях, управляемых и оформляемых рассудком в рамках категорий времени и пространства, а также ряда рассудочных категорий. Отсюда агностицизм Соссюра в отличие от Дюркгейма, для которого аналитическое проникновение в сущность общества было вполне достижимо. То, что для Соссюра каждый языковой факт негативен (это отношение дистинкции), прямо противоречит субстанциональному и положительному пониманию факта у Дюркгейма, для которого «социальный факт» (а это, прежде всего, социальные институты) – это объективная данность, объект в себе и для себя. О негативности у «нового» Соссюра: *«La négativité des termes dans le langage peut être considérée avant de se faire une idée du lieu du langage; pour cette négativité, on peut admettre provisoirement que le langage existe hors de nous et de l'esprit, car on insiste seulement sur ce que les différents termes du langage, au lieu d'être différents termes comme les espèces chimiques, etc., ne sont que des différences déterminées entre des termes qui seraient vides et indéterminés sans ces différences»* [5, с. 64]. И далее: *«Négativité et différence, Il me semble qu'on peut l'affirmer en le proposant à l'attention: on ne se pénétrera jamais assez de l'essence purement négative, purement différentielle, de chacun des éléments du langage auxquels nous accordons précipitamment une existence: il n'y en a aucun, dans aucun ordre, qui possède cette existence supposée – quoique peut-être, je l'admets, nous soyons appelés à reconnaître que, sans cette fiction, l'esprit se trouverait littéralement incapable de maîtriser une pareille somme de différences, où il n'y nulle part à aucun moment un point de repère positif et ferme»* [5, с. 64-65]; *«La langue consiste donc en la corrélation de deux séries de faits*

1° ne consistant chacun que dans des oppositions négatives ou dans des différences, et non en des termes offrant une négativité en eux-mêmes.

2° n'existant chacun, dans leur négativité même, qu'autant qu'à chaque instant une DIFFERENCE du premier ordre vient s'incorporer dans une différence du second et réciproquement» [5, с. 73].

Как видим, взгляды, изложенные в «Курсе», можно согласовать с дюркгеймовской реалистической метафизикой. Труднее это сделать со взглядами Соссюра, изложенными в «Заметках» и, в частности, в его книге «О двойственной сущности языковой деятельности» [5]. Следовательно, возможна еще одна

інтерпретація сутності соціального, отличная как от позитивистского феноменализма, так и от разного рода метафизик. Речь идет об антропоцентризме.

Согласно этой точке зрения, общество – это некая обобщенная информация, содержащаяся в сознании каждого человека, считающего себя членом общества (или ведущего себя как член общества, даже без осознания этого), объединяющая этих людей, но являющаяся результатом их коммуникации и взаимного приспособления, которая дает им возможность успешно взаимодействовать. Это онтический аспект (т.е. аспект, касающийся того, какова бытийная сущность изучаемого объекта). По этому принципу взгляды Соссюра и Дюркгейма сущностно расходятся. Для первого язык сущность исключительно психическая, антропоцентрическая, для второго – метафизическая, но реальная.

Но есть и онтологический аспект проблемы, т.е. вопрос формы этой сущности. Тут возможны три решения. Первое предлагает субстанциализм, согласно которому общество – это некая информационная, духовная или метафизическая субстанция, психическая или логическая (интеллигибельная) сущность, атом смысла или некое множество таких субстанций. Это точка зрения не только Гегеля или Гуссерля, но и Дюркгейма, хотя у этого последнего таким атомом является феномен метафизического социального факта. Из этих объективных фактов и состоит общество. Другая точка зрения – процессуализм, в котором общество – это различного рода действия, процедуры, акты, процессуальные состояния. Наконец, третья онтологическая точка зрения – реляционизм: общество – это совокупность человеческих отношений, связей, функций деятельности людей. Это точка зрения Канта и Соссюра. Читаем у Канта: *«В самом деле, законы существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту, которому явления присущи, поскольку субъект обладает рассудком, точно так же как явления существуют не сами по себе, а только в отношении к тому же существу, поскольку оно имеет чувства»* [6, с. 148]; *«Внутренние же определения субстанции, являющейся [нам] в пространстве (substantia phaenomenon), суть не что иное, как отношения, и сама такая субстанция целиком есть совокупность одних лишь отношений»* [6, с. 251]; *«... все, что мы знаем о материи, сводится к одним лишь отношениям»* [6, с. 264]; *«Конечно, странно слышать, что вещь целиком должна состоять из отношений, но ведь такая вещь есть лишь явление и ее нельзя мыслить посредством чистых категорий: она представляет собой лишь отношения некоего Нечто / чего-то вообще к чувствам»* [6, с. 264].

Но именно так понимал общество и Габриель Тард, который в конце XIX в. был главным идейным противником Дюркгейма в социологии: *«Мы увидим, что общество, если его и нельзя сравнивать с организмом, может быть сравниваемо с одним привилегированным органом — мозгом»* [7, с. 6–7]. Далее Тард пишет: *«(...) здесь представляется одна из самых полных и явственных аналогий, которая может с большим удобством заменить собою постоянно повторяемое, но столь искусственное и натянутое сравнение обществ с организмами. Общество походит и, по мере того, как оно цивилизуется, стремится все более и более походить не на организм, а скорее на тот своеобразный орган, который называется мозгом (...)*» [7, с. 155]; *«... там, где рабство исчезло, теория общества-организма потеряла последнюю тень правдоподобности»* [7, с. 156]; *«Только общества животных, пчел и муравьев, например, до некоторой степени более всего заслуживают названия социальных организмов»* [7, с. 158]; и, наконец *«Если ассоциацию людей могли сравнивать с организмом, то именно только в силу той внутренней целесообразности, которая путем взаимной помощи или совпадения функций делает последние настолько солидарными между собою, что они попеременно бывают одни для других целью и средством»* [7, с. 181]. Совершенно ясно, что Тард был противником понимания общества как организма и предполагал, что, прежде

всего, в обществе следует видеть общение и взаимодействие людей (иногда сознательное – инновационное, иногда неосознаваемое – подражательное). По Соссюру, язык как система представляет собой почти целиком результат именно этого второго типа деятельности – неосознанно-подражательного (в отличие от речи и мышления как активных проявлений индивидуальной воли).

Далее Тард о социальном факте: «...в связи с тем другим заблуждением, что социальный факт, поскольку он социальный, существует вне всех своих индивидуальных проявлений. Но, к несчастью, идея таким образом до конца и делая объективным различие или, лучше сказать, чисто субъективное отделение коллективного явления от составляющих его частных актов, Дюркгейм возвращает нас в самую глубину схоластики. Социология не то же самое, что онтология. Признаюсь, мне очень трудно понять, как может случиться, что, «отбросив индивидуумов, получим в остатке общество». (...) Я спрашиваю себя, какую пользу находят в том, чтобы под предлогом очищения социологии лишить ее всего ее психологического, живого содержания. По-видимому, ищется специально для вновь создаваемой науки социальное начало, в которое психология совсем не входила бы и которое мне кажется еще гораздо более химеричным, нежели старое жизненное начало» [7, с. 4–5].

Следующая цитата фактически подтверждает признание Тардом социологии социальной психологией: «Так же должна поступать и социология, простая социальная психология, если она хочет, чтобы у нее была своя собственная область и достаточные основания для ее существования» [7, с. 112]. Ср. у Соссюра: «Un linguiste qui n'est que linguiste est dans l'impossibilité à ce que je crois de trouver la voie permettant seulement de classer les faits. Peu à peu la psychologie prendra pratiquement la charge de notre science, parce qu'elle s'apercevra que la langue est non pas une de ses branches, mais l'ABC de sa propre activité» [5, с. 109]. Соссюр фактически признает языкознание разделом психологии. И Тард, и Соссюр, скорее всего, понимали под социальной психологией некую антропологию – науку об обобществленном человеке.

Как видим, различие между теориями Г. Тарда, Э. Дюркгейма и Ф. де Соссюра определяются двумя линиями – онтической и онтологической. Эпистемологическая разница также присутствует, т.к. если объект исследования – общество (как объективный факт и объективная сущность), то, по Дюркгейму, и исследовать его надо как вещь саму в себе и для себя при помощи чистой социологии, независимой от философии и методологии (чисто научно и позитивно). Если же общество – совокупность психосоциальных отношений между конкретными людьми с их психическими особенностями, то и исследовать его (и все его проявления, например, языковую деятельность) надо в деятельности, в соотношениях, через функции, а наука, которая этим должна заниматься, должна быть психологией общества или же психологической социологией, и руководствоваться она должна методологией. Это точка зрения как Тарда, так и Соссюра.

Определение методологических и теоретических основ соссюровской позиции в вопросе онтологии и эволюции общества является лишь одним из направлений в изучении «нового» Соссюра (см. др. работы, например, [8], [9], [10]).

РЕЗЮМЕ

У статті здійснена спроба вирішити спірне питання про методологічні та теоретичні основи соссюрівського розуміння онтології та еволюції суспільства. Представлений аналіз основних положень теорій сутності та еволюції суспільства Г. Тарда і Е. Дюркгейма та їх порівняння з положеннями соссюрівської теорії. Продемонстровано принципіальну різницю між розумінням соціального Соссюром і Дюркгеймом, подібність розуміння сутності соціальності Соссюром і Тардом.

Ключові слова: методологічний, соціальність, онтологія, суспільство, теорія.

SUMMARY

The article attempts to solve the dispute concerning methodological and theoretical fundamentals of Sossure's understanding of ontology and evolution of society. The article presents the main points of theory of essence and evolution of society by G. Tard and E. Durkheim, and their comparison with Sossure's theory. The key difference is demonstrated between the ways Sossure and Durkheim understood society, and also the similarity of understanding of society is shown between Sossure and Tard.

Key words: methodological, sociality, ontology, society, theory.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Кочерган, М. П. Загальне мовознавство : Підручник. Видання 2-ге, випр. і доп. [Текст] / М.П. Кочерган. — К. : Вид. центр «Академія», 2006. — 464 с.
2. Барт, Р. Основы семиологии [Текст] / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / Пер. с англ., франц. нем., чешского, польского и болгарского языков. Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. — М. : Прогресс, 1975. — С.114–163.
3. Холодович, А. А. Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды [Текст] / А.А. Холодович // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. — С. 660–671.
4. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Текст] / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана / Э. Дюркгейм. — М. : Канон, 1995.— 352 с.
5. Saussure, F. de. Ecrits de linguistique générale, établis et édités par Simon Bouquet et Rudolf Engler, avec la collaboration d'Antoinette Weil / F. de Saussure. — Paris : Gallimard, «Bibliothèque des idées», 2002. — 353 p.
6. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках / И. Кант. — Ин-т философии РАН. — М. : Наука, 2001–2006.
7. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. — СПб: Социально-психологический центр, 1996. — 500 с.
8. Просяник, О.П. Сучасна рецепція теорії Фердинанда де Сосюра у російському та українському мовознавстві (проблема періодизації) / О.П. Просяник // Вісник Дніпропетровського університету: Наук. журнал. Серія: Мовознавство. — Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2013. — Випуск 19. — Том 3. — С. 147–157.
9. Просяник, О. П. Розуміння Ф. де Соссюром термінів «parole» та «discours» (за матеріалами чернетки книги «Про двоїсту сутність мовної діяльності») / О.П. Просяник // Система і структура східнослов'янських мов: зб.наук.праць. — К.: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2012. — Вип. 5. — С. 244–250.
10. Просяник, О. П. Проблема единства языковой лексической единицы (в свете теории знака «нового» Ф. де Соссюра) / О.П. Просяник // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды. — Харьков, 2012. — № 1–2 (46). — С. 44–52.

Надійшла до редакції 11.10.2013 р.